
КРУПНЫЙ ЖАНР: РОМАН

Яков Шафран

(г. Тула)

Андрей Каретников

(г. Тула)

**ГЛАВЫ ИЗ НОВОГО
РОМАНА**

«КРУГ ЗАМКНУЛСЯ»*

Яков Шафран

Андрей Каретников

* * *

Вдоволь наговорившись, друзья сели в машину и продолжили свой путь на кладбище. Оно возникло несколько десятилетий тому назад на большом пустыре, и было видно с любой возвышенной точки города, которой являлся и верхний этаж расположенной на холме девятиэтажки, где у Курилова была квартира. Летом взору открывалось белесое на фоне зелени пространство, блестящее на солнце своими шлифованными гранитными, мраморными и — победнее — из нержавеющей стали памятниками и никелированными оградками.

За время своего существования кладбище разрослось и превратилось в настоящий город мертвых со своими улицами, кварталами и площадями. Со своей особой жизнью, основанной на трех так называемых кладбищенских столпах: на захоронении усопших и заботе родственников о могилах; на зарабатывании денег от услуг, предоставляемых родственникам, и на мелком воровстве.

Последнее всегда процветало здесь. Воровали цветы, венки, металл и прочее, что плохо лежало и представляло хоть какую-то ценность...

Царящая у входа реклама — вывески фирм, фирмочек, магазинов и ларьков, — длинные ряды искусственных и, реже, живых цветов, и прочее, необходимое в таком месте, — все это привлекало внимание пришедших для похорон или ухода за могилами людей.

Курилов с Переверзевым, припарковав машину и взяв все нужное, неторопливо шли сквозь негромкие многоголосые призывы приобрести товар, как обычно, лучший именно у данного продавца. Их внимание привлекла старушка, продававшая

* Продолжение. Начало в №№ 1, 3 и 4, 2012 г. Действие романа охватывает период с 1913-го по 2009 год, и события происходят как бы параллельно — и в далеком, и недалеком прошлом, и в настоящем.

искусственные цветы. Она сидела, потупив взор, и скромно молчала, натруженные руки ее лежали на коленях. Одежда была простой, но аккуратной и чистой. Друзья остановились, старушка подняла на них глаза и улыбнулась. Все лицо и синие лучистые глаза светились спокойствием и доброжелательностью. Друзья купили у нее несколько букетов и, поблагодарив, — может быть, больше за тот свет, который она им подарила, чем за цветы, — направились к входу.

Могилы их родителей находились в разных и достаточно отдаленных местах, поэтому, чтобы сэкономить время, они решили, поухаживать каждый за могилами своих, а потом созвониться и встретиться. Улочками и переулками «города мертвых», города памятников и оград Андрей добрался до могилы матери. С портрета глаза ее глядели так же мягко, ласково и всепрощающе, как и при жизни. Андрей мысленно поздоровался с мамой и присел на лавочку. Сколько лет уже прошло, но она была для него по-прежнему живой, как в те далекие годы, когда он подростком остался один — отец, конечно, был не в счет...

Андрей отвлекся от воспоминаний. Взяв тяпку, он разрыхлил землю на могиле, прополов сорняки, посеял рекомендованную Игорем траву, семенами которой тот его снабдил. Потом полил из лейки водой, принесенной из колонки, подкрасил ограду, подправил и покрасил лавочку и поставил к памятнику букет цветов.

Время за работой пролетело быстро. Закончив, он омыл оставшейся водой руки и снова мысленно пообщался с мамой, попросил прощения за свои редкие в последнее время приходы к ней. И вдруг почувствовал, как теплая волна прошла сквозь него, и одновременно с этим услышал как бы внутри себя мамин голос: «Андрюшенька, я очень тебя люблю и хочу, чтобы ты был счастлив!»

Андрей не был верующим человеком и в рассказы о загробном мире не верил. Но произошедшее с ним сейчас было настолько явственным и реальным, что поколебало его убеждения. Курилов некоторое время постоял в раздумье — что бы это могло быть? — но постепенно природный скептицизм стал брать верх и услужливо предложил сознанию свой довод — почему же раньше за все эти годы после ухода мамы ничего подобного не было, ни во сне, ни наяву? — значит, показалось.

Вечное, как мир, стремление человеческого сознания приписывать духовным, метафизическим явлениям логику мира физического, материального! Вот и сейчас, — если раньше такого никогда не происходило, значит, этого не может быть и теперь. А того, что в прошлом человек не был открыт для такого контакта, а сегодня — по совокупному состоянию сердца, души и разума, которое, возможно, было ему неизвестно ранее, — стал доступен, человек понять не умеет. А раз так, то отрицает и самую подобную возможность.

И снова теплая волна, уже без внутреннего голоса, накатила на Андрея, объяла его всего, напрочь смыв все скептические размышления, пронесшиеся за эти несколько мгновений в его голове, оставив вместо себя растерянность. Постояв еще немного, он, поклонившись, попрощался с матерью, позвонил Игорю и, собрав принадлежности, зашагал к выходу, внутренне пообещав себе подумать обо всем на досуге и разобраться.

Переверзев уже ждал его, и они направились на автостоянку.

Путь до дороги, ведущей в Каширу, прошел в молчании. Друзья лишь изредка обменивались впечатлениями от пейзажей, проплывавших мимо строений и ситуации на дороге.

Расстояние от Патрусевска до Коломны равно ста пятидесяти семи километрам, что по времени занимает примерно час сорок — час пятьдесят нормальной езды без задержек и остановок. Путешественникам предстояло проехать через Узелково, Мо-

кинск, Серебристые Пруды и далее в Каширу, из Каширы в Клишино, через Оку в Озеры и вдоль Оки в Коломну.

Стояла ясная солнечная погода, и открывающийся простор дарил им сегодня неповторимые по своей среднерусской красе виды. Разве заметишь такое небо — во всем его объеме и великолепии — в городе? Никак нет, как говаривали в армии. Чистый купол неба по краям был в живописных кучевых облаках, что порождали в воображении образы людей, животных и сказочных персонажей, благодаря различным оттенкам — от белого и до темно-серого. Казалось, они находились в постоянном движении, борьбе, видоизменяясь буквально в течение нескольких мгновений. А вот на противоположной стороне неба — облако в виде дракона, летящего с открытой огнедышащей пастью, с длинным хвостом и светящимися в лучах солнца поднятыми во взмахе мощными крыльями.

Неповторимый облачный живописец — солнце. Желтые, розовые, золотистые со всеми их переливами и переходами краски оно кистью-лучом наносит на холст неба. Вот плывет рыба кит, окруженная сонмом рыбешек в блестящей чешуе. А в стороне, глядит на все это голова великана, обращенная затылком к солнцу, с ярко освещенной кроной волос.

Не менее красивы проплывающие мимо и земные пейзажи. Андрей долго любовался березой, отдавшейся ветру, прогнувшейся как партнерша в танце под его напором. А он, радуясь своей любовной власти, быстро ведет ее, и ветви с листьями, как волосы и развевающееся платье, создают неповторимый шлейф этого движения.

Неповторима и прелесть прозрачной березовой рощи, медленно движущейся вдаль вслед березе-танцовщице. Но вот машина въезжает в лесистое место. И деревья, почти вплотную обступившие шоссе с обеих сторон, по мере приближения машины, словно подбегают, пытаясь что-то сказать, но, не успев этого сделать, в мгновение расступаются-разбегаются и останавливаются позади, с сожалением, молча провожая путников, так и не успев рассказать им что-то свое, у каждого — самое важное.

И снова простор — палитра всех оттенков желтого и зеленого на полях и лугах, окаймленных полосами леса, рощами и рощицами, в которых порой можно увидеть удивительную игру света и тени, подобную той, которую отражал Куинджи на своих полотнах.

Андрей пожалел, что не взял с собой ни видеокамеру, ни фотоаппарат — такие уникальные виды попадались им. Чего стоят, например, три дуба, растущие полукругом на поляне на некотором расстоянии от рощи, словно три брата-воина вышли сразиться с богатырями супротивного войска. Или две старые березы по обе стороны тропинки, ведущей от шоссе к видневшейся вдаль деревне, наклонились друг к другу, будто две старые закадычные подруги встретились и ведут беседу.

Игорь тронул за рукав и показал налево. Они проезжали мимо небольшого, но чистого пруда, по обе стороны которого к воде склонились ивы, а на дальнем берегу, на некотором отдалении от воды стоял белый храм с большим зеленым куполом и вознесшейся ввысь колокольней. И храм с колокольней, и деревья, и небо отражались в пруду, создавая целой гаммой всевозможных оттенков зеленого и голубого живописную картину.

— Да, пейзажи здесь — песня! — восхищенно сказал Игорь.

— Просто сказка! — подтвердил Андрей.— А ты обращаешь внимание на указатели с названиями речек, деревень, сел, городков...

— Ты знаешь, нет...

— А зря! Интересные имена... Вот и Коломна, куда мы едем, тоже необычное и богатое по звучанию название...

— Андрей, вот я тут, еще раньше, думал, смотри: Калининград, Архангельск, Новосибирск, Владивосток — это понятные русские названия. А Кашира, Коломна?..

— Я из любопытства интересовался этим вопросом. Понимаешь, здесь переплелись финно-угорские, славянские и тюркские, а может быть, и какие-то более древние корни. Посему так загадочно, влекуще и напевно звучат эти имена — Колóмна, Ту́ла, Кóхма, Ока́, Угра, Кольва́нь, Пахра́, Каши́ра, Москва, Упа́, Каля́зин, Таруса, Че́русти, Каси́мов, Кóлпино, Протвино́, Лытка́рино, Калу́га, Кострома́... Как о многом говорят они!

— Да, и вправду красиво!

— Существует много версий по поводу происхождения этих названий. Жители каждого города, городка, поселка, села и деревни передают или стараются отыскать древнюю легенду, порой добавляя в нее что-то от себя, которая объясняет почему их место жительства или река так именуются. Есть научные объяснения, а многие являются фантазией, игрой в звуко сочетания и анализ слов, красивой выдуманной сказкой, но, тем не менее, выражением любви людей к своей малой родине.

— Понятно, люди всегда отличались способностью фантазировать... Ну, а в отношении Коломны, что слышно?

— Я почитал, порыскал в Интернете, — всегда, если куда-то еду, ищу материал об этом месте. Такая «вредная» привычка у меня.

— Разумно — и впечатления, и знания.

— Так вот, есть интересное предположение, что название города происходит от особенности протекания Оки. Вот Калуга строилась на широких зеленых лугах, среди которых спокойно текла маленькая, но глубокая река. «Ка-кие луга!» — якобы восклицали люди, отсюда название города. Потом Ока набирает силу и из маленькой превращается в широкую — «Ка-к шир-ок-а!» — на берегу ее появляется город Кашира. В районе Коломны река совершает крутой поворот по ломаной линии, то есть «ломается», отсюда и Коломна — «Ка-к лом-а-на!»

— Интересно и красиво, но, наверное, малонаучно. А что говорит наука о происхождении названий этих трех городов — раз уж их связала молва?

— Начнем с Калуги. По Далю слово «калуга» имеет значения: пойма, поемный луг, калач. То есть и по науке происхождение названия города Калуга связано с лугами. Имя Кашира, скорее всего, произошло от названия речки Каширки, которая впадает в Оку в этом месте. Что касается Коломны, то существует несколько версий. Согласно одной из них, Коломна — первоначальное название реки, произошедшее от слова, если не изменяет память, Коломья — глубокая колея, наполненная водой. А есть мнение, что имя города произошло от каменоломни, ведь рядом с городом добывали, или по-старинному — ломали — камень. Может, название имеет источником слова: коломень, коломенье, означающие границу, ведь Коломна в ту эпоху являлась приграничным городом между Московским и Рязанским княжествами; или происходит от финно-угорских «кол» — рыба и «колва» — рыбная река, что в результате языковой трансформации превратилась в Коломну. А еще возможно, что сначала возникло название реки Коломенка, то есть река «около менка» — по-старинному рынка, который действительно располагался на берегу этой реки, а уж потом и городу дали такое название.

— Вот и выбирай, кому что нравится.

— Пожалуй, так, ибо точно определить никто не может.

— А на чем мы остановимся? — спросил Игорь.

— Трудно сказать...

— И уже некогда, так как въезжаем в старинный и, нужно отметить, красивый русский город — Коломну.

Андрей впервые был в этом городе и с интересом глядел по сторонам. Чувствовалось уходящее вглубь веков скромное, не кричащее, но гордое его величие. «И не

суть важно, откуда происходит название»,— думал Курилов. Он не был квасным урапатриотом, а по-настоящему, умно́ любил свою землю и древний народ, населяющий ее, народ многонациональный и многоукладный по своим верованиям и культурным традициям, но имеющий единую образующую основу — русский народ,— и единый по материнскому своему рождению — ведь Мать-Россия для всех единственна, как мать, которую не выбирают.

* * *

За доброту и честность многие считали Андрея идеалистом. Он и вправду не принимал ложь, искал правды и, как все идеалисты, часто, обманываясь, впадал в апатию от негативных проявлений человеческой природы. Несмотря на молодость, не следуя новомодным веяниям, он относился к женщине, прежде всего, как к человеку. Поэтому все вышесказанное накладывало сильный отпечаток на его отношения с противоположным полом. И они от этого всегда были непростыми.

Вот и с Юлией другой на его месте тогда, после знакомства, уже давно закрутил бы роман. Тем более что прошел почти месяц с их первой встречи, той встречи, когда волна близости пронизала их обоих. Но Андрей все еще просто встречался с ней и ухаживал. Это не значит, что он не хотел ее как женщина. Юлия ему нравилась, и молодой организм требовал своего и довольно сильно. И он все время стоял перед «гамлетовским» выбором — отдаться страсти, овладеть нравящимся телом, а дальше — куда кривая выведет, или сотворить любовь? Гипертрофированная совесть звучала в нем. И говори теперь, что любовь — это не наиболее трудное испытание, выпадающее на долю человека среди прочих испытаний, если он, конечно, человек.

Сегодня вечером Курилов с Юлией гуляли в парке, держась за руки, и разговаривали.

— Утром просыпаюсь и вижу ваше лицо, как бы рядом. Вы мне нравитесь, Юля!

— О, это серьезно! — засмеялась она, весело, но с интересом глядя на него.

Андрей почувствовал, как в душе в ответ на ее улыбку и взгляд ожили и зазвучали тончайшие струны того инструмента, который никто никогда не видел, но каждый хотя бы раз в жизни, в самые важные моменты, чаще всего связанные с любовью, ощущал.

— Интересно, скольким же девушкам, вы говорили эти слова?

— Я не так любвеобилен, как вы думаете!.. Мы с братом, старшим на два года, остались одни без матери и отца, когда мне было четырнадцать лет. Мама умерла, отец ушел к другой, и нам с братом самим приходилось заботиться обо всем. Поэтому перед армией работал и после работы чаще всего бежал домой, памятуя о хулиганском прошлом. Была у меня тогда девушка, но... не дождалась меня из армии.

— Вы были хулиганом?

— Да, было дело... Родителей не было, родственники помогали, но ведь не жили с нами. Поэтому были предоставлены сами себе...

— Это уже нестандартно...

— А брата не уберег все же...

— Что случилось?

— Одного мальчишку избили до полусмерти. А Валерка был заводилой в этой драке. Ну, его и посадили... А насчет нестандартности вы правы, если учесть, что жили мы одни в частном доме. Поэтому рано пришлось заниматься многими хозяйственными вопросами... Потом армия, после армии — учеба на вечернем, я вам рассказывал, а днем — работа на стройке, плюс еще внеурочная «левая» работа и курсы по ночам...

— Тяжко вам пришлось... Зато школа какая!

— Да школы по жизни хватило!.. Так что не до девушек было...

— А сейчас?— улыбнулась Юля и снова весело посмотрела на Курилова.

— Сейчас? Ну, конечно, после окончания учебы, времени свободного стало больше. Правда бывают и переработки, когда аврал, но это далеко не каждый день.

— Я рада за вас! Ну, и вы решили в свободное время заняться девушками? — Юлия чувствовала, что ее «несет». Андрей ей явно нравился, встречались они уже месяц, но еще даже не целовались — как-то не по-современному все. Она и сама была противницей «легкой» любви, но не до такой же степени. «Смотрит, смотрит, и не понятно — с одной стороны, звонит каждый день, часто приглашает на свидания, а с другой, никаких приятных слов и поползновений. Только сегодня впервые сказал, что нравлюсь!..— подумала она, но промолчала, решив — пусть идет, как идет. Парень-то серьезный!»

— Когда я увидел вас тогда на улице, у кафе, и потом, когда мы стояли под навесом... ну, вы мне очень, очень нравитесь, Юля! — Курилов говорил и понимал, что не те все это слова, не так все нужно говорить, но ничего не мог поделать — не мастер он был в этом деле! А в душе чувствовал бесконечную, нарастающую волну тепла и нежности к этой девушке, каким-то десятым чувством считывая состояние ее сердца, полного преданности, нежности и того типа любви, которую принято называть материнской. По внешности и по манерам Юлия напоминала Андрею мать — и это только усиливало его чувства к ней.

Они подошли к высокому ветвистому каштану, росшему у развилки тропинок, недалеко от спуска к большому парковому пруду, что блеснул невдалеке сквозь ветви деревьев и кустарника в лучах заходящего солнца. Юлия подошла к дереву и, прижавшись спиной к стволу, закрыла глаза.

— Как я люблю каштаны! — тихо сказала она. — Это мое самое любимое дерево...

— Юля, Юля...— тихо произнес Курилов, подойдя ближе. Она открыла глаза, и он увидел, что они немного подернулись влагой. «Сейчас или никогда!— подумал он, собираясь со смелостью. И, наконец, решившись, сказал: — Я вас люблю, Юля, дорогая моя!»

Она чуть вздрогнула от его слов, но не отводила взгляда. А он все смотрел и смотрел в ее глаза — большие серо-голубые, полные нежности и тепла,— в которых читал ответ на свое признание. И этот ответ вдохновил его, может быть, на самый смелый поступок в жизни. Андрей подошел вплотную и, взяв ее руки в свои, сухими от волнения губами прикоснулся к ее таким же сухим, горячим губам. Некоторое время, не отпуская рук, они целовались, несколько отстоя друг от друга. Потомжатия рук одновременно ослабли, и Андрей с Юлией слились в объятиях.

Поцелуи длились, казалось, вечно и жили своей особой неуправляемой жизнью. Когда губы одного из них как бы отступали, губы другого бежали им вдогонку, догоняли, и все начиналось вновь. Это сопровождалось то нежными и ласковыми, то страстными поглаживаниями рук — по волосам, лицу, плечам и спине,— и крепкими объятиями. Они все теснее приникали друг к другу, и, когда он чувствовал ее упругое тело, ток невыразимой неги и сладости охватывал его...

Когда они разомкнули объятия, вокруг было темно. Высоко в небе светила луна, ее полумесяц висел над прудом, оставляя серебряную дорожку на темной глади воды. Андрей и Юля, держась за руки, направились к выходу из парка.

Этим вечером Курилов почувствовал себя другим человеком. Если до сих пор он больше рассуждал о любви, не считая редких прошлых увлечений, то теперь был полностью в нее погружен — весь без остатка. «Я уже не тот, каким был еще несколько дней тому назад, и уж тем более месяц,— признался себе Андрей.— И это благодаря чувству к Юле, благодаря общению с ней...»

Сейчас он, до сих пор бывший рационалистом, ставивший логику жизни на первое место, охваченный любовью, считал совершенно иначе. «Любовь сильнее логики!» — думал Курилов. — «А как же с утверждением, что дружба первичнее любви, иначе это будет только страсть?» — тут же прозвучал тихий внутренний голос. — «А разве мы не дружим?! И подружимся еще больше!» — как бы ответил молодой человек, да и как еще мог думать влюбленный, когда каждая клеточка его пела о ней, когда он не мог ни о чем больше и думать.

Похоже, что и Юлия была в том же состоянии.

* * *

Курилов механически листал папку с документами, размышляя о перипетиях с «Неотложкой», когда раздался стук в дверь кабинета.

— Да, да, войдите!

Дверь широко распахнулась, и на пороге появился улыбающийся Виктор Леонов с большой плетеной корзиной в руках.

— Привет директору!

— Привет, привет!

— А я вот решил побаловать тебя с супругой утятинкой да свежими грибами с годами. Где, кстати, супруга?

— Здесь, сейчас позову. — Андрей подошел к двери и попросил Вику найти Юлию Александровну. — А ты все промышляешь? Молодец! Ну, выкладывай сюда. — И он освободил от газет и журналов столик у окна.

Виктор снял покрывавшую корзину цветастую клеенку, и на столике стали появляться плетеные корзиночки с лисичками и опятами, земляникой и черникой, а под конец две извлеченные из фольги большие общипанные утки.

— Красота! Прямо охотник на привале, только ружья не хватает, — улыбнулся Курилов. — Все беру, не торгуюсь! Сколько с меня?

— Да ладно... Неудобно как-то...

— Так, Виктор, это — твой промысел, твоя работа и источник существования. Перестань, говори, сколько?

Леонов, немного смущаясь, все же назвал цену и был немало удивлен, когда Курилов протянул ему в два раза больше названной суммы. Виктор сделал, было, отрицающий жест рукой, но Андрей остановил его:

— С почином! Пусть это будет моим с Юлей подарком тебе и супруге. А вот и моя жена! — сказал он, взяв левой рукой за локоть Виктора и правой делая жест к знакомству в сторону Юли. — Виктор, Юлия.

Она подошла и, не скрывая удивления, всплеснула руками, любясь расставленными на столике дарами природы.

— Откуда это?

— Помнишь, я тебе рассказывал о сослуживце моем в строительном управлении? Вот это он и есть. Ты не будешь против, чтобы он снабжал нас?

— Конечно, нет! Наоборот, я только рада! — как всегда эмоционально ответила она.

— Заметано?

— Заметано! — в тон Андрею ответил Виктор.

— Ну, вот и отлично. Это дело нужно отметить. Как там насчет кофе и по граммулечке коньяка?

— Если только по граммулечке... — проговорила Юлия.

— Естественно, по граммулечке — еще работать надо.

— Хорошо, сейчас организую, — сказала она и только собралась выйти из кабинета, как в него вошел Переверзев.

— О, Игорь, привет! — Юлия посторонилась, пропуская старого знакомого их семьи. — Как Людмила?

— Спасибо, хорошо, передавала тебе привет и просила позвонить, там что-то насчет... Ну, короче, о чем-то посоветоваться хочет, — сказал Игорь, не любивший распространяться о женских делах.

— Юль, — остановил уже выходящую жену Курилов, — тогда на четверых!

— Ну что, господа-товарищи, — обратился он к друзьям, — присаживайтесь и знакомьтесь. — И, собирая бумаги на столе, вздохнул: — Ох, дела наши тяжкие.

— Не ладится? — спросил Переверзев.

— Не то слово, Игорь.

— Да-а, из социализма строить капитализм — это опять «вперед планеты всей». Такого еще в истории не было никогда и нигде, — включился в разговор Леонов.

— Погоди, не обобщай, — остановил его Курилов.

— Тяжело? — вновь посочувствовал Игорь.

— С «Неотложкой» много проблем.

— Решаемых?

— Пока решаемых только тактически, а стратегически они никуда не деваются — вот в чем дело. И как дальше будет — одному Богу известно.

— Понятно.

Вошли Юлия с Викой, на подносах принесли чашки, пачку молотого кофе, коньяк, кофеварку и все необходимое. Потом вышли, унося пустые подносы. Вернулась одна Курилова, заправила сияющую белизной кофеварку и, включив ее, села за стол.

— Нет, что ни говори, а при советской власти такого безобразия, как сейчас, не было.

— Виктор все о своем, о коммунистическом, — пояснил Курилов супруге и Переверзеву.

— Погоди, Андрей, вот скажи, в чем твои трудности? — не сдавался Леонов.

— Лицензию тяжело получаем...

— Если бы тогда, в 80-е, не по пути «катастрофки» все пошло и в начале 90-х не обрушилось, то при развивающейся кооперации да под четким госуправлением все получили бы свое. А теперь одна заинтересованность — хапнуть побольше и увезти подальше.

— Если бы да кабы, то... сам знаешь, что дальше. Сослагательное наклонение... Зачем рассуждать о том, чего не было, — возразил ему Курилов.

— И то верно! — подключился Переверзев. — Эти чинуши не дают рынку войти в свои полные права. При полной свободе экономических отношений все само собой регулируется и не нужно никаких госуправлений.

— Так, — перебила его Юлия, — кофе готов! — И стала разливать его по чашкам, жестом показывая мужу на коньяк. — Только, как договаривались, по граммулечке!

Курилов стал добавлять армянский пятизвездный в кофе, каждому по его вкусу.

— Все бы хорошо, что ты говоришь, Игорь, — обратился к нему Андрей, — да загвоздка в том, что это «если бы, то будет», о котором ты нам говоришь, тоже нигде и никогда не проявлялось в чистом виде. Свобода рынка без госуправления и пятьсот лет тому назад была весьма относительной. Но мы же в XXI веке живем, слава тебе Господи!

— Да какой рынок, туда его?! — взбеленился Леонов.

— Какая, к черту, твоя советская власть?! — под стать ему крикнул Переверзев.

— Ну, прямо рак, шука и лебедь! — взяв друзей за руки, прервал их Курилов. — Друзья, кофе имеет свойство быстро остывать и делается при этом невкусным.

Они стали прихлебывать дымящийся ароматный кофе с коньяком и, молча, по-сматривали друг на друга. Воспользовавшись этим, Курилов решил сменить тему разговора.

— Какими судьбами, Игорь, что-то случилось? Я за разговорами забыл спросить, извини.

— Да нет, просто шел мимо, смотрю, окно открыто, значит, хозяин на месте. Решил зайти, проведать.

Юлия встала, убрала дары природы в холодильник, предварительно отсыпав часть черники с земляникой в вазу, и вышла из комнаты помыть их. Через несколько минут она вернулась и поставила блестящие от влаги ягоды на стол.

— Угощайтесь!

— Спасибо, но мне пора, нужно еще заскочить домой, взять продукты — и на рынок, успеть продать бы,— как бы извиняясь, произнес Виктор и поднялся.

— Счастливо тебе, заходи, приноси, будем брать у тебя свежее с удовольствием!

Встал и Переверзев.

— Не буду отрывать вас от дел. Это у меня сегодня день свободный, а у вас, наверное, таких дней и не бывает?

— Пока не бывает — точно подметил. Мало того, не знаешь, что завтра тебя ждет... Но ты все же звони, приходи.

— И передавай от нас привет супруге,— добавила Юлия.

Леонов с Переверзевым вышли, и через пару минут до Куриловых донеслись их горячие возгласы. Андрей подошел к окну и увидел, как его друзья остановились на тротуаре и горячо жестикулировали, что-то говоря друг другу. Потом они почти одновременно резко махнули рукой и, развернувшись, пошли в разные стороны.

— Назад пути нет...— тихо, как бы сам с собой говоря, произнес Курилов.— И ясно: никаких потрясений нам не нужно: ни красных, ни белых.

— Да!— Юля подошла к нему и положила руку на плечо.— Будем заниматься своими делами.

— Будем эволюционировать.

— Как у Дарвина?— пошутила жена.

— Почти...

* * *

Михаил Григорьевич Заянчицкий с Павлом Ивановичем Соловьевым и так редко встречались в силу своей занятости, несмотря на то, что Патрусевск был в двухстах верстах от Москвы, а теперь, во время войны, в связи со всеми трудностями семнадцатого*, в том числе и транспортными, уже почти четыре года как последний раз виделись. Заянчицкий, кроме своей работы доцентом в университете и кадетских партийных обязанностей, входил в продовольственный комитет Москвы, а Соловьев был настолько загружен работой в своем губернском присутственном месте, что и обычный прием гостей они с женой уже давно не проводили, не говоря о поездках в столицы.

Но вот командировали Павла Ивановича в Москву на неделю по вопросам его ведомства, и он навестил Заянчицких, которые и слышать ничего не хотели о гостинице, в которой поначалу остановился тот. Тем более что квартира была на летнее время наполовину пуста: дети — Кирилл, Лидия и Николай — жили в пору каникул на даче в Михайловке. Там же обитал и знакомый уже нам Николай Иннокентьевич Земсков, приехавший в первопрестольную по своим писательским делам и, как все-

* Действие данной главы происходит в 1917-и году.

гда в подобных случаях, остановившийся у своей двоюродной сестры, Марии Павловны.

В субботу вечером, как водится, чета Заянчицких, прихватив с собой Соловьева, отправились в Михайловку.

Стояла середина лета во всей своей зрелой красе, все в природе находилось в томлении, жизненные соки питали уже не только сами растения, но и многочисленные плоды, радующие глаз, вкус и обоняние, готовые дать в подобающее время семена будущей жизни. Все вокруг дышало утверждающей силой бытия, в котором даже умирание было частью этой вечной жизненной гармонии. И в этом бытии, казалось, не было места ничему дисгармоничному, злему, ничему бессмысленному, как, например, преждевременная и насильственная смерть. А ведь за две-три сотни километров отсюда люди «сеяли семена» иные — стреляли друг в друга из пушек, пулеметов, ружей, травили газом. Шла война, бойня, которая не оправдывалась никакими объяснениями и соображениями: ни политическими, ни экономическими, ни национальными. Гибли и калечились миллионы человеческих тел, жизнью, судьбой, а вместе с ними гибла и травилась природа. Та самая природа, которая давала и дает человеку все необходимое для жизни, а значит и самое жизнь.

Подъезжая к деревне, наши дачники видели отдыхающих людей, наслаждающихся этой летней природной идиллией. Но такова суть военного времени — о чем бы ни говорилось и ни думалось, все возвращается к теме войны. Вот и сейчас предстало, что и там, в немецких землях, люди вот так же наслаждаются земной красотой, земными благами, в то время как их дети и внуки разрушают не только эту красоту, но и венец творения — человеческую жизнь. А ради чего и кого?!..

Когда путники добрались до дачи, их встретила веселая молодежь и аппетитные запахи приготовленного обеда. В саду, в тенистой его части, стоял большой покрытый скатертью стол, на котором стоял в вазе огромный букет роз всех цветов и оттенков.

Умывшись и немного отдохнув с дороги, Михаил Григорьевич с супругой Марией Павловной и Павел Иванович присоединились к Земскову, детям, горничной и старой няне Агриппине Тимофеевне, которые уже сидели за столом и с нетерпением ожидали приехавших, чтобы узнать все московские и российские новости, и прежде всего новости с фронта.

Обед, как и принято в культурном обществе, прошел в легком общении. Лишь сведения с фронта, словно невесть откуда взявшаяся в ясный солнечный день и заслонившая солнце туча, на некоторое время сделали пасмурным настроение собравшихся. Но через некоторое время молодость, которая говорила: война? кровь? смерть? — это все где-то там, далеко, так далеко, что и нереально вовсе, совсем не в этой, а может, и вообще в другой какой-то жизни, с которой мы имеем только косвенное соотношение, брала свое, и восстановилась ясная безмятежная погода в молодых, а вместе с ними в некоторых и не очень молодых душах, и возобладало веселое настроение.

Только Земсков с Соловьевым да разве что старая няня посерьезнели и не оставляли этого настроения после разговоров о войне. Видя это, хозяйка, Мария Павловна, после обеда предложила мужчинам пройти в беседку и поговорить, как она выразилась, на мужские темы.

Беседка находилась в тихом живописном уголке сада. Михаил Григорьевич, захвативший с собой пару бутылок легкого десертного вина и пачку сигар, убрал из беседки все лишнее, оставленное здесь детьми и женщинами, и быстро устроил нечто похожее на маленький мужской клуб.

— Хорошая погода стоит, господа...— начал Заянчицкий.

— И такая же, наверное, сейчас на передовой...— не мог отойти от темы войны Земсков.

— Безусловно, такая, а на Украине, на австро-венгерском, и еще лучше будет,— поддержал Павел Иванович.

— Вот вы все война-война,— Михаил Григорьевич наполнил бокалы и предложил их собеседникам.— А ведь она лишь на время оттянула политический взрыв, ибо к лету 1914-го общественный кризис был в апогее. Вот сейчас на дворе, как говорится, 16-й, и положение вновь резко обострилось, усилилось революционное движение.

— Думалось, что в годину внешней угрозы, когда на кон поставлена сама независимость, люди всех сословий, политических убеждений и национальных амбиций, как это всегда было в русской истории, соберутся вокруг идеи защиты отечества,— сказал Земсков, слегка пригубив вино.

— Где там!— поддержал его Соловьев.— Буржуазия вся в оппозиции, интеллигенция хочет устроить все на западный манер и прямо сейчас, в военное время. Все партии, даже умеренные октябристы, требуют свобод и уже сегодня!..

— Но разве это хорошо, что царь отказался выполнять требования народа, проводить реформы, более того, распустил Думу?! — воскликнул Заянчицкий и залпом выпил бокал вина.

— Простите, милостивый государь, какие реформы во время войны, слыханное ли это дело?!

— Николай Иннокентьевич, так ведь кризис власти — кризис! — и он все усиливается с каждым годом! Система прогнила сверху донизу!..

— Так может, он и кризис, что его целенаправленно создают...— начал Земсков, но Заянчицкий перебил:

— Вот, вот! Сейчас вы скажете о мировом за-а-аговоре!..

— Михаил Григорьевич, вы сами о нем сказали! Я же имею в виду не то, что требуется раскрывать и доказывать, а то, что находится на поверхности — заявления ведущих представителей буржуазии, настроения интеллигенции, действия политических партий...

— И ведь они обращаются не только к верховной власти, но и к народу! Причем работают с его самой активной частью — армией. Посмотрите, что творится на фронтах. Антивоенное настроение все больше охватывает солдат, и даже часть офицеров. В сознании солдат движение против войны и самодержавия переплелись и уже нераздельны!— с горечью произнес Соловьев.

— Господа, я удивляюсь, как можно не видеть очевидного! Прими царь требования народа, проведи реформы всей политической системы и экономические, дай свободы, и все само собой устроится, как нельзя лучше. Рынок сам отрегулирует все экономические отношения, парламент решит все насущные общественные и юридические вопросы, предприятия сами, исходя из прямой выгоды, произведут все необходимое и передовое для обороны, армия, составленная сплошь из добровольцев, с воодушевлением пошедших на фронт защищать завоевания свободы, победоносно завершит войну!..

— Сударь, вы прямо сказочную картину нам рисуете! — перебил его Павел Иванович.

— Михаил Григорьевич, все это звучит действительно хорошо.— Николай Иннокентьевич встал и, стоя, продолжил:— Но скажите, милостивый государь, почему нельзя сейчас, прекратив все революционные действия, мобилизоваться всему народу, всем силам, всем прослойкам, обществам и партиям и победоносно завершить

войну? А потом уж тихо и спокойно, когда будет полностью устранена внешняя угроза, заняться совместным и благодетельным общественным творчеством? Вы же и иже с вами призываете разрушать имеющееся и создавать новое в разгар войны, когда и положение на фронтах остается тяжелым и неопределенным! А то может получиться, как в шутке моего знакомого профессора медицины Петра Ивановича: «Больной пошел на поправку. Но не дошел...»

— Шутки шутками, но поймите, что если самодержавие и весь уклад нашей жизни, начиная от прав, свобод и земли и кончая экономикой, привел к поражению в русско-японской войне, к революции 1905 года, а после в течение десяти лет ничего не было реформировано, то где гарантии, что и эта война не завершится поражением, навязыванием России невыгодных, а может быть, и кабальных условий, не говоря уже о потере территорий, и вновь никаких реформ проведено не будет?

— Уважаемый Михаил Григорьевич, остановитесь на минуту и посмотрите как бы со стороны на то, что вы предлагаете,— продолжал Земсков.— Идет 17-й год, уже три года, как враг стремится разрушить нашу страну извне, направляя на это все свои силы, ресурсы, экономическую мощь. И в это же самое время, исходя, мы верим, из благих намерений, вы и ваши единомышленники хотите разрушить существующее устройство, согласен, несовершенное во многих отношениях, при этом, только теоретически доказывая и на словах обещая, что будет создано нечто другое и совершенное, которое сразу и во всех аспектах разрешит все вопросы нашей российской жизни, и одновременно будет одержана победа в войне. Таким образом, нетрудно увидеть со стороны два одновременных действия — разрушение извне и изнутри!

— Вы хотите сказать, что я и все мы, кто ратует за перемены,— союзники Германии и Австро-Венгрии?— как-то очень тихо спросил Заянчицкий.

— Нет, Михаил Григорьевич, нет, просто те, кто хочет произвести кардинальные изменения в стране во время кровопролитной и изнуряющей войны, похожи, не напрямую, нет, Боже упаси, на людей, кто поневоле действует в том же направлении, что и противник...

— При этом ни я, ни Николай Иннокентьевич, не отрицаем необходимость постепенных последовательных и выверенных реформ в мирное время при одновременном укреплении традиционной для страны власти. Так? — обратился Павел Иванович к Земскову.

— Совершенно верно!— подтвердил тот и, повернувшись к Заянчицкому, предложил: — А не выпить ли нам мировую?

— Мировую войну или революцию, о которой твердят большевики? — хмыкнул Заянчицкий.

— Если бы можно было таким образом закончить эту войну и не допустить революцию — «не при нашем доме будет сказано!»,— то я со всем моим удовольствием! — в ответ пошутил Земсков.

Со стороны дома раздался громкий смех. За ним зазвучали перебивающие друг друга голоса и снова смех. К беседке подбежала покрасневшая Лида, а за ней Коля.

— Пап! Ну что он,— она кивнула в сторону брата,— все меня Виталием дразнит? Какие мы с ним жених и невеста?

— Жених, жених, а кто же еще?!— подшучивал над сестрой Николай.

— Хватит вам, «первоклашки»,— смеясь, подошел Кирилл.

— Ладно тебе, зазнайка-выпускник!— капризно, как бы обижаясь, но в то же время с той интонацией в голосе, которая всегда выдает глубокую симпатию, произнесла Лидия.

— И впрямь, дети малые,— улыбнулся Земсков.

Молодые убежали в глубину сада, и уже оттуда доносились их возгласы и смех.

Они, беззаботно веселясь, отдыхали от учебы, от экзаменов, от реалий военного времени, которые чувствовались и здесь, вдали от фронта, впрочем, как и во всей стране.

Вдруг прозвучал дальний одиночный выстрел, затем второй, третий... На фоне разговора о войне и революции они заставили собеседников слегка вздрогнуть.

— Сосед со товарищи уток стреляют, — прокомментировал Михаил Григорьевич...

* * *

О многом думалось Курилову, но дело, прежде всего*. Лицензию они до сих пор не получили, и трудности на этом не закончились. Как часто случается на Руси, появились сомнения: внутренние и со стороны коллег — оправдана ли с моральной стороны платная «Скорая помощь», и, если да, будет ли она востребована в объеме, достаточном для окупаемости затрат и хотя бы небольшой прибыли?

Думали и так и эдак, но, как ни смотри, выходит одно — медики практически одни из самых низкооплачиваемых работников. А раз так, то они — в том числе и скорпомощные трудяги — любыми путями будут искать возможность заработать по профилю своей специальности — жить и детей кормить-то надо? С другой же стороны, есть люди, кому может понадобиться помощь, не имеющие прописку и страховой полис. А еще есть такие, кто не нуждается в деньгах — в том плане, что у них этих самых «деревянных», американских и прочих рублей «куры не клюют». И если нет такой «Скорой», которая приедет быстро и обслужит качественно, то они ее сами создадут... Поэтому по теперешней жизни выходит, что дело-то вроде нужное.

— Воспользоваться же сможет любой, кому потребуется экстренная помощь или медицинская перевозка, — убежденно говорил Драницкий. — И не только имеющие деньги, но и те, у кого время поджидает, — а «03» не едет и все тут! Кстати, работать мы можем и с клиентами всех страховых компаний, и с предприятиями. Кроме того, есть направление, где мы будем всегда нужны — перевозка лежачих больных и пожилых, в том числе и на далекие расстояния. Ведь для нас нет ограничения по дальности, мы можем транспортировать и по России, и в страны Ближнего Зарубежья, и дальше, если потребуется.

— Убедительно, Виталий Анатольевич, молодец! Вот так и нужно мыслить и действовать!

— Стараюсь, — расплылся в улыбке тот.

— Так, друзья мои, — Курилов обратился к собравшимся в офисе для планирования дальнейшей работы сотрудникам. — Какие еще будут доводы, мысли и идеи?

— А мы можем организовать консультации врача, составление плана лечения и подбор лекарств прямо на выезде? — задал вопрос Геннадий Никитович.

— Почему же нет? Если в бригаде будет квалифицированный врач, а у больного на руках медицинская карточка и результаты свежих исследований, то это вполне возможно, — ответил Николашкину Курилов. — Мы можем это отразить в должностной инструкции врача нашей «Неотложки».

— Великолепно! — воскликнула Юлия Александровна, как всегда живо отзывающаяся на волнующие вопросы. — Тогда мы можем в будущем организовать и детскую «Неотложку», да?! Это же замечательно, если включим в перечень услуг осмотр ребенка педиатром, назначение лечения и, по желанию родителей, консультации по питанию, развитию, закаливанию и так далее!

— Да, Юлия Александровна, это неплохо, и со временем обязательно сделаем. Нужно будет, как минимум, найти соответствующего врача, который бы относился к своей работе с детьми не по принципу: «Где у тебя болит?.. — Получи таблетку или

* Авторы вновь переносят внимание читателей в начало нынешнего века.

укол!» — а совершенно иначе,— поддержал Андрей, любуясь чарующими его до сих пор серо-голубыми озерами ее глаз на фоне легко вьющихся и ниспадающих до плеч темных волос.— Видите, оказывается, если подумать и творчески подойти к вопросу, можно очень многое сделать. Но вношу поправку — были бы, кроме желания, деньги, и еще, как говорил рачительный хозяин Иосиф Виссарионович, «кадры решают все!»

— В принципе и «Скорая-03», и платная «Неотложка» могут мирно сосуществовать, и у людей всегда будет выбор,— развеял последние сомнения менеджер Медведкин. Но, имея принцип мышления по типу весов, то есть во всем видя противоположные стороны, тут же добавил:— К слову сказать, я читал, частные «Скорые» очень распространены в Прибалтике и Финляндии, где их работа оплачивается из бюджета, а помощь людям оказывается бесплатно...

— Начал за здоровье, а кончил за упокой! — засмеялся Курилов.— Валентин Александрович, об этом можно только мечтать! Но пока, к сожалению, у нас в России это нереально, сами понимаете,— разве только какой олигархер, как говаривает один знакомый доцент-патриот с медико-физикультурного факультета нашего университета, не возьмет нас на свое полное содержание?

— Да уж... — промолвил Драницкий.

— Лучше послушайте, что я узнал из истории «Скорой помощи», очень интересно, да и полезно знать, раз уж мы в этой сфере подвигаемся.

— Ну-ну!

— Скорая медпомощь в России впервые стала развиваться — само собой — в Санкт-Петербурге,— Курилов достал из портфеля блокнот, перелистнул несколько страниц и стал читать.— В конце позапрошлого века вопросами организации ее занимались хирурги Н. А. Вельяминов, К. К. Рейер, Г. И. Турнер, а затем и И. И. Греков. Курсы первой помощи и проект ее создания — их работа. Однако в дореволюционные годы скорой и неотложной помощи даже в губернских городах не существовало. В 20-е годы ее осуществляли один-два врача, имевшие в распоряжении лошаадь с повозкой. Потом в губернских городах организовали по 2-3 пункта скорой медпомощи. В штате каждого пункта были два врача, выезды осуществлялись на двух лошадях. А в конце 20-х годов уже создавали пункты на промышленных предприятиях. Таким образом, «Скорая помощь» возникла уже при Советской власти.

— Интересно! Ведь сейчас многие говорят — вот, до революции! — а ведь многое из того, к чему мы все привыкли, было создано после нее,— присоединилась к разговору бухгалтер Литвинова Анна Алексеевна.

— Да, это так,— согласился Курилов.

— Все это хорошо, о чем мы говорим, интересно. Но как отнесется население к платной «Неотложке»?— задумчиво глядя на Андрея, спросил Медведкин.

— А что?— загорелся Курилов.— Может, и правда — перед планированием работы провести такое ненавязчивое изучение мнения людей по этому поводу?

— Разумно!— поддержали его Юлия и Валентин. Драницкий же, чуть поморщившись, встал и, вытащив из пачки сигарету, вышел на балкон.

Курилов мельком, но с интересом, посмотрел ему вслед и обратился к Николашкину с Медведкиным:

— Давайте, подумайте, как нам это лучше сделать. Хорошо?

— Будет сделано!.. Подумаем...— в один голос сказали те.

Думали долго, так как, словно черти из табакерки, на первый план стали «выскакивать» предложения: провести опрос прохожих на улице, разбросать листовки по почтовым ящикам и дать объявления — все с соответствующими вопросами и контактными телефонами. Ну, то есть набор рекламных действий, появившихся и

бурно распространившихся еще в конце восьмидесятых годов. И самое интересное — такие предложения делали люди достаточно далекие от данной деятельности — Николашкин, Медведкин, Литвинова... Насколько же въелось это в сознание!

Курилов сразу отверг предложенное. Просто никто на такое внимания обращать не будет. Лестничные площадки у почтовых ящиков (к досаде уборщиц) сплошь усеяны листовками, которые народ автоматически выбрасывает, не читая и даже не заглядывая в них. А на улице прохожие, как от чумы, шарахаются от опрашивателей всех мастей, как только завидят их с блокнотами и ручками и внимательно-добрым, заинтересованным выражением глаз.

— Андрей Васильевич, так как же будем опрос-то проводить? — спросил самый непосредственный из всех Николашкин.

— Думаю, что разумнее всего сделать так. У меня знакомый главврач 1-й горбольницы. Я поговорю с ним, и, если он позволит, мы в белых халатах, естественно, представившись медиками, — а таковых среди нас будет большинство, — побеседуем с больными в палатах, зададим им интересующие нас вопросы. И людям развлечение, и нам польза. Кроме того, среди них потенциальных клиентов «Скорой» гораздо больше, то есть выборка, как говорят социологи, будет качественной, несмотря на то, что, пользуясь их же языком, количество респондентов будет не больше тысячи человек.

— Весьма разумно! — согласился вернувшийся Драницкий, и вместе с ним одобрительно зашумели остальные.

— Ну что ж, если коллектив не против, я сегодня свяжусь с больницей, — завершил дискуссию Курилов.

Добро на проведение исследования было получено, подготовка не заняла много времени, и в течение пяти рабочих дней бригада наших «социологов», разделившись на двойки, исправно трудилась в больничных палатах, добывая сведения и скрашивая досуг больным, у которых все дни, как один, в этом невеселом заведении.

В результате на вопрос «Куда вы обратитесь в случае нужды — платную или бесплатную службу "Скорой помощи"?» после информации о возможных тарифах: 39 % заявило, что обратятся в бесплатную, ибо платная слишком дорога для них, 34 % — в бесплатную службу, потому что больше доверяют государственной медицине, 12 % — в платную, так как хотят более комфортного медобслуживания, 5 % — также в платную службу из-за удручающе долгого ожидания бесплатной «03» и 10 % не смогли определиться с ответом или просто не пожелали отвечать.

— Ну что ж, — сказал Курилов, когда в коллективе шло обсуждение данных, полученных в горбольнице, — получается, что примерно 15—20 процентов людей в случае необходимости обратятся к нам. Это хороший стимул для работы!

— Мне еще понравились рассуждения одного молодого больного, — включился в разговор Медведкин, явно обрадованный результатами, доселе, честно говоря, немного сомневавшийся в перспективах платной «Скорой». — Он в ответ на замечание другого больного, что брать деньги за спасение чей-то жизни аморально, сказал буквально следующее: «Ничего аморального в этом нет! Напротив, безнравственно жить на маленький оклад. Представьте, детский хирург со стажем более пятнадцати лет получает по нынешней жизни копейки! А участковый врач, мало того что с утра до вечера занят, так еще берет работу и на дом — много всякой писанины. Да у любого продавца в коммерческой сети зарплата больше, чем у врача, отвечающего за здоровье и жизни людей!» Вот, Анна Алексеевна не даст соврать, на вопрос, откуда он это знает? — парень сказал, что сам из семьи врачей.

— Один доктор, — поддержала тему Виктория, — не выдержал и откровенно заявил: его как врача раздражает мнение, что медицина должна быть бесплатной. В до-

казательство он привел пример ресторана и магазина, где за все люди платят. Почему же мы, заявил он, врачи, тратим время, отвечаем за здоровье, а порой и жизнь своих пациентов, спасаем их... и получаем за все это буквально гроши!?!..

— Вика, он прав и неправ,— сказал Курилов.— Зарплата врача должна быть в разы больше, чем сейчас. Но ни в коем случае нельзя сравнивать оплату труда врача с официантом и продавцом, даже не по форме, а по сути. Медикам обязано платить государство, соответствующая статья бюджета которого формируется из страховых отчислений работающих и налогов с богатых. Не будем сейчас углубляться в вопрос, кого считать таковыми и каков должен быть налог с них — сие есть тема особого разговора. Но такой подход, считаю, самый верный.— Андрей осмотрел всех сослуживцев. Они внимательно слушали, и на их лицах прочитал согласие с его мнением.— Однако это не исключает наличие платных медицинских услуг в соответствующих центрах для тех граждан, кто хочет на более высоком уровне, более комфортного и без очередей обслуживания...

— Правильно! — включился доселе молчавший Драницкий.— Что касается «Скорой», то городская выезжает, в основном, когда есть угроза жизни и здоровью больного. Это — травмы, острые заболевания: судороги, кома, потеря сознания, асфиксия, «острый живот», серьезные сердечно-сосудистые нарушения, отравления, роды и любые нарушения течения беременности, детские заболевания и психические расстройства. И не важно, где находится больной: дома, на улице или на работе. Во всех остальных, так называемых «домашних», случаях положено вызывать районную «Скорую». А уж ее прождать, как мы с вами хорошо знаем, можно достаточно долго. Много и других нареканий на районные службы. В оправдание скажу: маловато в них персонала. Поэтому платная «Скорая» может стать альтернативой именно районной службе.

— Один раз у моих соседей был такой случай, если позволите,— обратилась к шефу Литвинова.— У сына травма ноги с открытой раной. Приехала обычная «03» и прямо в лоб: «Платить будете?». Пока соседка раздумывала, они вылили на рану перекись, смазали йодом и уехали... А на следующий день мать сама повезла его в травмопункт, где наложили швы.

— Все зависит — опять же! — от людей,— возразила ей Елена Александровна.— В моей семье очень часто вызывали «Скорую» и отцу, и бабушке, которой под восемьдесят было. Приезжали быстро и старенькую прямо дома несколько раз спасали от смерти — делали все необходимое, пока той не становилось лучше. Конечно, случаются разные ситуации, но, думаю, что и в отношении небогатых людей платная служба будет нужна при больших сложностях с обычной, если нужна срочная госпитализация лежащих больных или их дальняя транспортировка.

— Помню, раза два, еще до поступления на медицинский, приходилось везти на «Скорой» племянника в инфекционку и мать с инфарктом,— эмоционально поддержал разговор Геннадий Никитович.— И что вы думаете, в обоих случаях машины были очень холодные (и это зимой!) и с разбитыми рессорами. Это, может, и совпадения, не исключаю. Но всего два раза — и вот так! Не часто ли? Тогда и подумалось, что без знакомых и финансового «подогрева» не обойтись, если хочешь качества.

— Ну, не знаю, возможны и совпадения, а я вот во время наших исследований в горбольнице поговорил с людьми, и выяснилось — большинство доверяет только бесплатной «03», сколько ни вызывали, приезжали достаточно быстро, грамотно и внимательно обслуживали...— Медведкин запнулся и робко взглянул на Курилова.

— Продолжайте, продолжайте Валентин Александрович,— улыбнулся тот.

— Нет, я уже все сказал...

— Одна больная в той больнице, где мы были (я разговорился с ней во дворе),— вступил Николай-водитель,— сказала: «Вот представила я: приехала платная, надо везти в больницу, а лифт сегодня не работает, и этаж-то девятый, и деньги-то все крупными купюрами...»

— Я навел справки насчет бесплатной и платной «Скорой» в Москве,— прервал его Драницкий.— Так разница огромна: у платной есть все, что нужно, все лекарства. И сидят иногда по несколько суток — только плати. А бесплатная в той же ситуации порой отказывается ехать, ссылаясь на некризисную ситуацию.

— Не дай Бог оказаться в таком положении в чужом городе...— промолвила Елена Александровна.

— Я думаю, что кому-то очень выгодно «не пущать!» организовывать платную услугу. Ведь наверняка есть люди, желающие вложить свои (!) деньги в доходное дело. Поэтому и нет до сих пор в городах таких служб.

— Разговор на эту тему портит нервную систему,— пошутил Курилов и жестом дал понять, что пора кончать дискутировать.— Пусть у людей будет выбор, и они, в зависимости от ситуации, сами решат, что им лучше,— подвел он итог дискуссии.— А теперь давайте от общих вопросов и эмоций перейдем к непосредственной организации дела. На дворе уже двадцать первый век все же,— и, улыбнувшись, встал.

